

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Илья Николаевич родился 25 апреля 1904 г. и приходился правнучатым племянником фельдмаршалу М. И. Голенищеву-Кутузову. Он никогда не забывал о своем прадеде и под влиянием этого с еще большим чувством общественной ответственности относился ко всему, что делал и писал. Сам он называл себя «наследственным патриотом».

Его отец командовал в первую мировую войну пехотным полком, был награжден тремя георгиевскими крестами за храбрость и, хотя не принимал участия в гражданской войне, вывез все же свою семью за границу. Детские впечатления о родине И. Н. Голенищев-Кутузов бережно хранил затем в течение всей своей жизни за рубежом. В Париже он писал:

Торжественную, избранную скудость
Возлюбленных полей
Как позабыть? К чему иная мудрость!
Иных земель елей!¹

В 1921 г. И. Н. Голенищев-Кутузов окончил Первую русско-сербскую гимназию в Белграде и поступил на философский (историко-филологический) факультет Белградского университета. Здесь он занимался романской филологией, западноевропейскими и югославской литературами. Среди своих учителей Илья Николаевич всегда называл на первом месте Е. В. Аничкова. Наряду с В. Ф. Шишмаревым Е. В. Аничков был любимым учеником А. Н. Веселовского. От своего учителя Е. В. Аничков усвоил широту интересов и сравнительно-исторический подход к изучению литературы и фольклора различных народов. Во время первой мировой войны Е. В. Аничков сражался на румынском фронте, оказался отрезан от родины со своим полком после революции, был интернирован, а затем стал преподавать в университетах Скопье и Белграда. Через Е. В. Аничкова, обладавшего обширными научными связями, Илья Николаевич смог познакомиться со многими деятелями французской, итальянской и югославской науки, близко сошелся с Вячеславом Ивановым, написавшим впоследствии предисловие к сборнику его стихов «Память».

По окончании Белградского университета в 1925 г. Илья Николаевич служил преподавателем французского языка в черногорском городке Никшиче и в Дубровнике. Здесь возник его интерес к памятникам югославского народного творчества и к далматинскому Возрождению. Совместно с известным американским фольклористом Мильманом Пэрри он записывал эпические песни гусляров в Герцеговине, Боснии и Черногории.

¹ *Голенищев-Кутузов Илья. Память. Стихи.* Париж: «Парабола», 1935, с. 22.

Летом 1927 и 1928 гг. Илья Николаевич посещал Италию, где занимался Данте, рукописями Петрарки, итальянским Возрождением. В 1929 г. он уехал в Париж, где провел четыре года, учился в Школе высших филологических и исторических наук при Сорбонне у членов Французской академии наук: Марио Рока, Альфреда Жанруа, Анри Оветта и у профессора Шарля Самарана.

В 1933 г. Илья Николаевич защитил в Париже докторскую диссертацию о ранних влияниях итальянской литературы Возрождения на французскую «L'histoire de Griseldis en France au XIV-me et au XV-me siècle». Диссертация вышла затем отдельной книгой (Париж, 1933) и имела хорошие отзывы в печати виднейших ученых (в частности, М. Рока и А. Монтеверди).

В Париже Илья Николаевич печатал свои стихи в сборниках Союза молодых поэтов — «Перекрестки», «Якорь» и в журналах. В 1935 г. вышел сборник его стихов «Память». В русской зарубежной печати Илья Николаевич систематически рецензировал научные издания, выходившие в СССР.

В 1934 г. И. Н. Голенищев-Кутузов был избран приват-доцентом Белградского университета, в котором до начала войны преподавал историю французского языка и французскую литературу. В журналах «Српски книжевни гласник» и «Страни Преглед» появляются его статьи о культурных и литературных связях между Россией и южными славянами, по русской литературе, о французских, итальянских и немецких писателях XIX—XX вв.

В 1937 г. в Белграде вышла вторая книга Ильи Николаевича по французской литературе — книга о Филиппе де Мезьере, также получившая хорошие отзывы в научной прессе.

В мае 1938 г. И. Н. Голенищев-Кутузов был арестован югославской королевской полицией «за советскую пропаганду», лишен югославского подданства и уволен с государственной службы. Только в сентябре 1939 г., когда надвигающаяся внешняя угроза со стороны нацистской Германии заставила королевское правительство менять свою внешнеполитическую ориентацию, Илья Николаевич был восстановлен в правах югославского гражданства.

В 1939 г. И. Н. Голенищев-Кутузов принимает активное участие в подготовке III Международного конгресса славистов в Белграде. Конгресс, как известно, не со-

стоялся из-за военных событий, но сборники с материалами конгресса успели выйти из печати.

В 1940 г. в Белграде был создан филиал Института им. Н. Кондакова. Илья Николаевич принял участие в последнем сборнике этого института, посвященном защите подлинности «Слова о полку Игореве» в связи с появлением работ о «Слове» профессора А. Мазона. Однако дом, в котором помещался филиал института, был разрушен немецкой бомбардировкой. Погиб вместе с женой и молодой талантливый организатор этого сборника Рассовский. Погиб архив, но рукопись сборника удалось все же спасти. Набирался сборник под бомбежкой. Выпуск его был подвигом. В сборнике одной из самых интересных и убедительных была статья Ильи Николаевича, основные выводы которой не утратили своего значения до сих пор.

В 30-е годы сформировались и общественные взгляды И. Н. Голенищева-Кутузова, определившие его позицию и его деятельность в трудные военные годы. Ближайшими друзьями Ильи Николаевича по Союзу молодых поэтов и сборникам «Перекрестки» были Борис Вейдле, Алексей Дураков, Юрий Софиев. Все они участвовали затем в движении Сопротивления во Франции и в Югославии. Вейдле и Дураков посмертно награждены боевыми орденами. Софиев, как и Илья Николаевич, приехал в Советский Союз.

В 1940 г. Илья Николаевич поехал в Болгарию и здесь в советском посольстве подал заявление о восстановлении советского гражданства. События помешали осуществиться его желанию в ближайшие годы. После оккупации Югославии с октября 1941 г. Илья Николаевич участвует в подпольном антифашистском движении — «Народном фронте», которым руководили коммунисты. В конце 1941 г. он вместе с тридцатью профессорами-антифашистами Белградского университета, среди которых был и академик А. Белич, был взят заложником и брошен в концлагерь гестапо «Баница». По выходе из лагеря его увольняют с государственной службы как политически неблагонадежного. В 1944 г. Илья Николаевич уходит в партизаны, работает заместителем комиссара по пропаганде и информации в Воеводине, участвует в боях за Белград. После освобождения Белграда его назначают военным комиссаром «Русского дома» (бывш. русского посольства и Дома русской культуры). В статье «Думы в канун Октября» Илья Николаевич вспоминал: «Я ни-

когда не забуду, как осенью 1944 г., в праздник Великого Октября в Белграде, освобожденном югославской и советской армиями, в манифестации проходил отряд эмигрантов с оружием, в пилотках с красными звездами, с плакатом „русские партизаны“. Плакат несла Л. М. Дуракова, муж которой Алексей Дураков, один из самых талантливых поэтов зарубежья, погиб в бою с фашистами. Сербы приветствовали русских партизан бурными аплодисментами. Это было возвращение на Родину и живых и погибших патриотов».²

В 1946 г. Илья Николаевич принял советское подданство и с 1947 г. начал печатать свои труды в Советском Союзе. В 1949 г. он получил вызов на работу в Московский университет на филологический факультет, возглавлявшийся тогда академиком В. В. Виноградовым. Однако тяжелые испытания, выпавшие на долю Голенищева-Кутузова, отодвинули на несколько лет его возвращение на родину. В 1954 г. он получает профессию в Институте им. В. И. Ленина Будапештского университета по кафедре русского языка и читает лекции по югославской литературе и истории славистики в венгерском Институте славистики.

Летом 1955 г. И. Н. Голенищев-Кутузов вернулся на родину и получил назначение старшим научным сотрудником в Институте мировой литературы АН СССР. Он был затем профессором Московского университета (1956—1958) и читал здесь курсы итальянской и французской литератур. Он принимал участие в работах IV Международного конгресса славистов в Москве. В 1960 г. он блестяще защитил в Пушкинском Доме докторскую диссертацию — «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.», вышедшую затем отдельной книгой в Издательстве АН СССР в 1963 г. Он был активным членом редакционной коллегии «Литературные памятники», принимал участие во многих научных советах, в работе Союза обществ дружбы с зарубежными странами, состоял членом Итальянского национального дантовского комитета, членом Международной ассоциации итальянского языка и литературы и др.

Умер Илья Николаевич 65 лет, на другой день после дня своего рождения — 26 апреля 1969. Умер на родине,

² Голос Родины, М., 1963, ноябрь, № 63 (764), с. 6.

о которой думал долгие годы своей жизни на чужбине. В своих стихах он писал:

... земной окончен путь,
Вот ты пришел в назначенную пору,
Чтоб душу сбереженную вернуть
Бескрайнему родимому простору.³

Илья Николаевич прошел сложный жизненный путь. И этот жизненный путь во многом определил его научные интересы. Это не значит, что он шел на поводу у складывавшихся обстоятельств. Напротив, находясь за рубежом, он чаще прокладывал себе дорогу против течения и вопреки обстоятельствам. Но и идя против жизни, он был с жизнью.

Условия его жизни вначале очень мешали его научному творчеству. Однако он умел работать и за столиками парижских кафе, и в «неуют» тюремных камер. Он имел мужество не соглашаться с окружающими его людьми и умел находить неожиданных единомышленников. При всей внешней отдаленности некоторых его научных тем от современности он был всегда внутренне к ней близок.

Илья Николаевич был обаятельным человеком несколько старинтеллигентского склада. Он любил общество, любил споры, рассказы и шутки в кругу друзей. Он помнил множество забавных случаев и мог часами их вспоминать. Он умел слушать других, радовался чужим и своим остроумиям, был наделен феноменальной памятью на стихи и мастерски их читал. Он быстро схватывал суть вопроса и соль шутки. Тут же сочинял экспромты и читал сочиненные им эпиграммы. Он не подавлял окружающих своими знаниями и своей образованностью, умел оценить знания и ум своего собеседника. Благодаря этим своим качествам он внес праздничность в любую обстановку, создавал атмосферу непринужденности и доброжелательства. Вместе с тем в науке он был суров к любой недобросовестности, лицемерию и упрямому невежеству.

Первые статьи Ильи Николаевича появились в 1929 г. в журналах «Дубровник» и «Страни Преглед». Они были посвящены современным югославским писателям и Данте. Так, уже в самом начале литературной деятельности

³ В краях чужих: Литературно-художественный сборник. Москва; Берлин, 1962, с. 41.

Ильи Николаевича определились два хронологических полюса его интересов.

Просматривая список его научных работ, насчитывающий более двухсот названий, мы можем обратить внимание на необычайную многосторонность и даже пестроту тем. Интересы Ильи Николаевича захватывали почти два тысячелетия — от литературы латинской до современности. Среди предметов его занятий — литературы славянские (сербскохорватская, русская, польская, чешская, украинская, белорусская), романские (итальянская, испанская и французская), венгерская (периода Ренессанса). Он глубоко занимался фольклором и стиховедением, откликался на кипевшую вокруг него литературную жизнь, был не только исследователем литературы, но и ее «практиком», постоянно, до конца своих дней, выступая со своими стихами и стихотворными переводами, которыми он не только иллюстрировал свои исследования, но которые печатал и как самостоятельные произведения. Он работал и как публицист, и как популяризатор науки.

Однако, несмотря на всю свою многосторонность, он был постоянен в своих литературных пристрастиях, неоднократно возвращался к своим прежним темам. В круге его занятий резко сказывалась его индивидуальность, его богато одаренная личность. Он никогда не работал только по обязанности, всегда увлекался своей работой, был до самозабвения предан своим любимым авторам и произведениям.

В научных интересах Ильи Николаевича выделяется несколько главных тем. Это — Данте, литература Возрождения и Предвозрождения от Франции и Италии до славянского Востока, сербский эпос, зарубежная и русская поэзия XIX столетия и латинское средневековье.

Илья Николаевич получил хорошую научную школу. Как фольклорист он вырос на полевой работе, собирая совместно с Мильманом Пэрри сербские эпические песни. Как литературовед он воспитался на трудоемких текстологических штудиях под руководством своих французских учителей — академиков Марио Рока и Альфреда Жанруа. Он владел техникой черновой текстологической работы и только потому мог стать литературоведом с широкими и обоснованными обобщениями.

Ученую степень доктора (*docteur à lettres*) Парижского университета Илья Николаевич получил за иссле-

дование, посвященное последней повелле «Декамерона» Боккаччо о терпеливой Гризельде. Он подробно проанализировал все французские истории о Гризельде, изучив рукописи Национальной библиотеки и Арсенала в Париже, Британского музея, Королевской библиотеки в Брюсселе, библиотек в Гренобле, Шартре, Камбре, Ватикане и проч. Он ввел в оборот много неопубликованных текстов и доказал, что самый ранний французский перевод этой истории был сделан Филиппом де Мезьером между 1384 и 1389 гг.⁴

Естественно, что выводы первой книги побудили его заинтересоваться более глубоко творчеством Филиппа де Мезьера. Он занялся изучением его «Книги о добродетелях и таинствах брака» и в конце концов издал это сочинение по рукописи Национальной библиотеки в Париже, дав ее археографическое описание, установив дату рукописи, а затем подробно охарактеризовал язык и стиль самого сочинения, определил источники его моральных и мистических идей, сделав обстоятельный разбор содержания.⁵

Одновременно с работой над этими книгами Илья Николаевич печатал многочисленные статьи о западноевропейских и русских писателях XIX и XX вв. (о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Льве Толстом, Достоевском, Вяч. Иванове, М. Волошине), собранные затем в книгу, издавшуюся в Белграде на сербском языке.

Он пронагандировал советскую литературу. В 1938 г. номер югославского журнала «Смена», в котором была помещена статья Ильи Николаевича о «Поднятой целине» Шолохова и о романе А. Толстого «Петр Первый», был конфискован югославской королевской полицией.

Опыт, приобретенный И. Н. Голенищевым-Кутузовым в работе над списками и текстами старофранцузской литературы, позволил ему написать очень интересную и существенную работу о взаимоотношениях «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», сыгравшую в свое время важную роль в борьбе с только что появившимися скеп-

⁴ *Golenistcheff-Koutouzoff Élie. L'histoire de Griseldis en France au XIV-me et au XV-me siècle. Paris, 1933.*

⁵ *Golenistcheff-Koutouzoff Élie. Étude sur «Le livre de la vertu du sacrement de mariage et reconfort des dames mariées» de Philippe de Mézières: D'après un manuscrit du XIV-me siècle de la Bibliothèque nationale à Paris. Beograd, 1937.*

тиками, отрицавшими подлинность «Слова». Как известно, основным доводом скептиков с легкой руки А. Мазона стало утверждение, что позднейшая редакция «Задонщины» более близка к «Слову», чем первоначальная, что якобы указывает на зависимость «Слова» от «Задонщины», а не наоборот. При этом за первоначальную редакцию «Задонщины» принимался текст дефектного Кирилло-Белозерского списка, а тексты всех остальных списков объявлялись принадлежащими одной позднейшей редакции. В своей краткой и убедительной статье Илья Николаевич выдвинул положения, которые остались и до сих пор не опровергнутыми скептиками и которые легли в основу многих последующих работ в защиту подлинности «Слова». Вот они.

«1) „Фальсификатор“ „Слова“ в XVIII веке, которому необычно везло и который обладал совершенно необычайной для своего времени осведомленностью, должен был — *par dessus de marché* — иметь все дошедшие до нас рукописи „Задонщины“ или, по крайней мере, все соответствующие этим редакциям списки (*les Zadonščiny!*); позволю себе напомнить, что известные нам рукописи были открыты лишь в XIX веке. Из этих источников он должен был составить довольно хитроумную мозаику, которая — как это ни странно — составила более удовлетворительный текст, чем в любой из редакций „Задонщины“...

2) Если „фальсификатор“ XVIII века не обладал всеми нам известными рукописями или редакциями, то он должен был воспользоваться оригиналом, вожделенным всеми издателями текстов, — О (неизвестный авторский оригинал „Задонщины“, ее архетип, — *Д. Л.*), который он затем „варварски уничтожил“, несмотря на то что открытие и опубликование первоначального списка „Задонщины“ было бы для него не менее интересно, чем издание „выдуманного“ и составленного из кусочков — подобно тряпичному одеялу — „Слова“, во всяком случае более почетно».⁶

Статья в защиту подлинности «Слова о полку Игореве» была последней значительной работой, написанной Голенищевым-Кутузовым за границей.

⁶ Голенищев-Кутузов И. И. Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины. — В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 1. Институт им. Н. Кондакова, Белград, 1941, с. 54.

Жизнь в Советском Союзе дала ему возможность создать большие обобщающие труды по всем основным линиям его интересов. Илья Николаевич как дантолог сумел обобщить свои наблюдения в двух больших томах изданий сочинений Данте в серии «Литературные памятники» — в издании «Божественной комедии» (1967) и в томе «Малых произведений» (1968), где ему принадлежат не только статьи и комментарии, но частично и самые переводы. Принципиальное значение имели и его статьи: «Данте и Предвозрождение» (в кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967), «Данте и „сладостный новый стиль“» (в кн.: Данте и всемирная литература. М., 1967), «Данте в советской культуре» (Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1965, т. 24, вып. 2) и «Эпоха Данте в представлении современной науки» (Вопросы литературы, 1965, № 5). Итогом его многолетних занятий великим поэтом Италии явилась обширная монография «Творчество Данте и мировая культура», увидевшая свет уже после смерти автора (М., 1971).

Исследования Возрождения завершились у Ильи Николаевича двумя работами: «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» (М., 1963) и «Гуманизм у восточных славян» (М., 1963). Особенный интерес возбудила первая книга. На нее откликнулись крупнейшие слависты Европы: Андьял, Бадалич, Мавер, Копецкий, Ягодич, Чижевский, Л. Хадрович, М. Куделка и многие другие, посвятившие ей статьи и рецензии. И действительно, эта книга имеет исключительное значение в познании историко-литературных взглядов И. Н. Голенищева-Кутузова, а потому позволительно остановиться на ней подробнее.

Книга И. Н. Голенищева-Кутузова «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» рисует широкую картину Ренессанса в далматинской литературе (в частности, в дубровницкой), в венгеро-хорватской, чешской и польской на огромном двенадцатязычном материале, которым Илья Николаевич владел превосходно. Для создания своей синтетической картины Ренессанса на юго-востоке Европы, совершенно по-новому раскрывающей проблему Возрождения в славянских литературах, он использовал архивы и книгохранилища Загреба, Дубровника, Рима, Флоренции, Парижа, Будапешта, Москвы, Ленинграда и Риги. Им были введены в оборот

некоторые новые рукописи и первые издания, в их числе инкунабулы, редчайшие экземпляры книг. И. Н. Голенищев-Кутузов отчетливо показал, что ни одна из изученных им славянских литератур XV—XVI вв. не развивалась изолированно, что все они испытывали влияние итальянского Возрождения и одновременно под его воздействием углубляли свои национальные, самобытные особенности. Подчеркивая национальное своеобразие каждой литературы, взаимодействие литератур Дубровника, Венгрии, Чехии и Польши, культурные взаимоотношения Польши и Италии, Польши и Венгрии, И. Н. Голенищев-Кутузов отчетливо показал единство венгеро-хорватской литературы, единство всех южнославянских и западнославянских литератур. Вся Европа для него культурно едина, и вместе с тем каждая из входящих в нее культур своеобразна и индивидуальна. Своеобразие в единстве — это принцип, из которого И. Н. Голенищев-Кутузов постоянно исходит в своих ученых штудиях различных европейских литератур.

Продолжая и углубляя демократические взгляды на Возрождение А. Н. Веселовского, И. Н. Голенищев-Кутузов опирается на убеждение, что нет литератур «высших» и «низших», и блестяще обосновывает это положение на многочисленном разноязычном материале. Развитие национальных литератур происходит, как показывает И. Н. Голенищев-Кутузов, в условиях сочетания самобытного и усвоенного. Усвоение приходит только на подготовленную почву, а самобытное растет в окружении усвоенного. Исследуя усвоенное в славянских литературах, И. Н. Голенищев-Кутузов совершенно правильно утверждает, что «общее культурное влияние итальянского Возрождения важнее, чем отдельные заимствования». Чрезвычайно существенно в этой книге И. Н. Голенищева-Кутузова исследование роли венгеро-хорватского гуманизма для соседних славянских стран в XIV, XV и XVI столетиях. Поучительны многочисленные материалы развития оригинальных черт в своеобразных условиях собственной исторической действительности в Венгрии, в Польше, в Дубровнике, в Чехии. Исторический фон показан широко в его действенном значении для историко-литературного процесса. В результате своего исследования И. Н. Голенищев-Кутузов с полным основанием мог заявить, что «на исходе XV века далматинская гуманистическая культура достигла уровня итальянской. Дал-

мация была родиной одареннейших поэтов-гуманистов, среди которых первое место занимают дубровчанин Илия Цриевич (1469—1520) и Марко Марулич (1450—1524)».

Не без основания спорит И. Н. Голенищев-Кутузов и с итальянскими литературоведами А. Крониа и И. Торбарина, преувеличивавшими итальянское влияние в далматинской лирике и драматургии, и подчеркивает оригинальность комедий Марина Држича. Анализируя творчество отдельных писателей-гуманистов, И. Н. Голенищев-Кутузов заново пересмотрел многие из репутаций, созданных литературоведами XIX и XX вв.: Яна Дантышека и поэта Андрея Криция (Кшицкого), Павла Русина из Кросна, Богуслава Лобковица и др. И. Н. Голенищев-Кутузов ставит Кохановского в один ряд с Ронсаром и показывает, что в ряде явлений славянские ренессансные литературы не уступали западным. В этой переоценке ценностей — большое значение книги И. Н. Голенищева-Кутузова. Всем своим существом эта работа И. Н. Голенищева-Кутузова, как и другие его исследования и статьи, направлена против бытующих среди западных литературоведов представлений о второстепенности духовного творчества славян.

Пересмотреть сложившиеся представления и создать новую полную картину Возрождения в славянских странах было необходимо еще и потому, что в целом проблема Возрождения значительно изменилась за последние 40—50 лет. Насколько ясной она выступила в свое время в фундаментальном труде Буркхардта «Культура Ренессанса», настолько сложной и даже запутанной выступает она сейчас. В этом сказались новые разпоречивые идеологические веяния, новые философские и религиозные течения последних десятилетий и новые, пока еще слабо осмысленные фактические открытия в области изучения Ренессанса и средневековья, поведшие за собой попытки «реабилитации» средневековья и поиски ренессансных явлений в самых ранних веках средневековой Европы.

Проблема Ренессанса стала сейчас в центре внимания историков литературы, историков искусства, науки, техники, истории культуры в целом. Вокруг нее ведется ожесточенная борьба. Работа И. Н. Голенищева-Кутузова предлагает советский аспект истолкования явлений Ренессанса, и в этом заключается не только большой научный, но и общественный интерес его книги и примыкающих к ней исследований.

В своем частном письме к И. Н. Голенищеву-Кутузову от 24 апреля 1960 г. другой замечательный исследователь мирового Ренессанса — академик Н. И. Конрад писал: «Я считаю правильным Ваше утверждение, что эпохи Гуманизма и Возрождения есть последствия культурной революции. Конечно, это — так. И есть те, кто эту революцию совершил. Правильна и Ваша мысль, что такой революции быть не могло бы, „если бы не накопилось достаточное количество изменений в предыдущую эпоху“. Особую важность этой мысли я вижу в том, что она дает возможность избежать двух часто встречающихся ошибок: ошибки, состоящей в полном отрыве Возрождения от Средневековья, и ошибки, состоящей в полном стирании граней между этими двумя эпохами. Действительно, и в средние века знали античных авторов, и знали хорошо; и образование было в значительной мере построено на них. В этом отношении резкого отличия эпохи Возрождения от Средневековья нет. Но есть другое. Вы сказали очень правильно: в эпоху Возрождения читали античных авторов по-иному. В этом и вся суть. Эпоха Возрождения не есть восстановление чего-то совершенно забытого, а новое осмысление известного; может быть, даже примышление к известному старому чего-то нового. На вилле Медичи разговаривали на платоновские темы, но иначе, чем говорили на эти темы в саду Академа.

Очень полезно Ваше напоминание о неправомерности при изучении европейского Возрождения главное внимание уделять литературе и искусству и обходить философию гуманистов и их историографию. Весь Ваш славянский материал протестует против этого: так много в славянском гуманизме именно общественной мысли, отраженной в философии и истории. Да и могло ли быть иначе? Если Возрождение есть культурная революция, то могло ли оно, как и всякая революция, не быть взрывом именно идей — идей общественных прежде всего? Мне очень приятно, что Вы добрым словом помянули Корелина:⁷ мне всегда казалось, что он у нас далеко не занимает того места, которое заслуживает.

⁷ Речь в письме Н. И. Конрада идет о московском профессоре М. С. Корелине, значение обширной монографии которого «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (2-е изд. СПб., 1914) подчеркивает в своей книге «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» И. Н. Голенищев-Кутузов.

Существенны Ваши оговорки относительно „влияния“. Вообще с вопросом „влияния“ и у нас, и всюду — не все благополучно. Влияние ведь может быть простым толчком, не более. В Вашем материале я нахожу именно такие случаи. И абсолютно неверна мысль, что воспринявший чье-либо влияние всегда ниже того, кто на него повлиял. У последнего может присутствовать лишь эмбрион, а у первого может быть создан целый организм. Ваш материал заставляет меня еще раз с особой остротой почувствовать, что дело не во влиянии, а в связях, в каком-то большом единстве духа и культуры. Та картина, которую Вы раскрываете, представляется мне симпозиумом умов, эмоций, чувствований, страстей, в котором, как и в „Symposion'e“,⁸ участвуют люди разных паций, разного склада, но одинаково яркие. Может быть, одни дали что-то раньше или больше, другие — позднее или меньше, но что это значит в рамках эпохи — большой эпохи? Дело не в том, а в совокупности большого плана. Как хорошо, что Вы показали эту совокупность в новых масштабах, раскрыли участие в ней представителей славянского мира, а в славянском мире — представителей западного мира. Да, дело Возрождения делали все вместе. Не это ли важнейший вывод из Вашей работы? И не нужен ли этот вывод для нас в настоящее время?».

Это замечательное письмо, раскрывающее сущность взглядов не только И. Н. Голенищева-Кутузова, но и самого Н. И. Копрада, в высшей степени показательное: два исследователя Возрождения, использовавших материалы различных наций на огромных географических пространствах, приходят к одинаковым общим положениям независимо друг от друга.

Непосредственным продолжением книги «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» явился доклад на Пятом международном съезде славистов «Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия)» (М., 1963). И здесь И. Н. Голенищев-Кутузов рассматривает восточнославянский мир и западный в некоем культурном, общественном и историческом единстве, что позволяет ему по-новому осветить гуманизм Скорины, «макиавеллизм» Ивана Пересветова, культурную жизнь Львова XV—XVI вв. и многое другое. При этом И. Н. Голенищев-Кутузов не забывает о народных

⁸ Имеется в виду диалог Платона «Пир».

началах многих возрожденческих идей у восточных славян и показывает связь с Возрождением идей славянской взаимности. Явления гуманизма в восточнославянских литературах изучались и до И. Н. Голенищева-Кутузова. Заслуга последнего в том, что он сумел подняться над конфессиональными спорами, на которые постоянно обращалось до него главное внимание исследователей этого периода. Многие из выводов имеют отношение к последующему развитию литератур восточного славянства, объясняют его и вскрывают истоки многих явлений. Особенно важно все то, что он пишет о белорусско-литовском стихотворстве этого периода — о размерах, строфике, рифмах и т. д., и о влиянии этого стихотворства на русскую поэзию XVII в.

Существенное значение имеет и антология «Поэты Далмации эпохи Возрождения XV—XVI веков» (1959), которую не только составил Илья Николаевич, но для которой подготовил стихотворные переводы, создал комментарии и написал вступительную статью.

Исследования югославского фольклора завершились И. Н. Голенищевым-Кутузовым в ряде изданий. Такой завершающий характер носит его статья «Косовская легенда» (Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1964, т. 23, вып. 3), предисловие к сборнику «Сказки народов Югославии» (1962) и большое, целиком подготовленное Ильей Николаевичем академическое издание «Эпос сербского народа» (1963). Это — одна из лучших антологий сербского эпоса. Рецензент этой книги Б. Н. Путилов совершенно правильно сказал о сопровождающей ее статье: «Перед нами в сущности небольшая монография, и вряд ли будет преувеличением сказать, что это — одна из самых значительных и интересных работ о сербском эпосе, появившихся до сих пор на русском языке».⁹ Статья характеризует проблематику сербского эпоса, его главные циклы, типы сербских народных певцов, стиль и изобразительные средства сербских эпических песен. Как и в других своих работах, И. Н. Голенищев-Кутузов не ограничивается только одним национальным явлением, но привлекает сравнительный материал других народов и ставит вопрос о соединении в сербском эпосе устных и книжных источников.

⁹ Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1964, т. 23, вып. 2, с. 157—161.

«Издание „Сербского эпоса“» с глубокой и новой по содержанию и выводам статьей И. Н. Голенищева-Кутузова, — писал редактор книги академик В. В. Випоградов, — является важным и чрезвычайно значительным событием в наших исследованиях литературы и культуры славянских народов. В связи с V Международным съездом славистов это издание приобретает выдающееся международное значение».

Та же широта подхода отличает и работы И. Н. Голенищева-Кутузова по стиховедению. В них сказался не только тонкий вкус поэта, но и широта подхода представителя сравнительного литературоведения, свободно владеющего всем европейским материалом. Стиховедческие исследования И. Н. Голенищева-Кутузова — это шаг к созданию общей истории европейского стиха, к исследованию сложных взаимовлияний и взаимовоздействий стихотворной формы, до сих пор рассматривавшейся обычно только в национальных рамках. Такова, в частности, очень значительная работа И. Н. Голенищева-Кутузова об александрийском стихе.

Наконец необходимо сказать несколько слов о его собственной поэзии.

Свои стихи Илья Николаевич начал печатать с 1923 г. Многозначительно название сборника его стихов — «Память». Его поэзия отражала память о родине, о ее истории, о предках. Но память его поэзии не была узкой. Его стихи воплотили память и о чужой истории. Темы Далмации и Рима занимали в сборнике свое место. Впоследствии Илья Николаевич увлекся переводами. Он никогда не пользовался подстрочниками, переводил с итальянского, латинского, французского, немецкого, сербско-хорватского, польского. Совместно со своим другом Алексеем Дураковым он составил первую на русском языке «Антологию новой югославянской поэзии» (Белград, 1933). Среди его переводов должны быть отмечены переводы Фоленго, Кардуччи, Валери, Рильке, славянских гуманистов (далматинских поэтов — Марулича, Менчетича, Држича, Ветрановича и др.), переводы сербского эпоса (20 переводов эпических песен помещены в его книге «Эпос сербского народа»). Он снабжал стихотворными переводами иллюстративный материал в собственных книгах. Его переводами проиллюстрировано и русское издание книги Де Санктиса «История итальянской литературы» (т. 2. М., 1964).

Поэтическое творчество помогало ему в его живом восприятии литературы прошлого, а литература прошлого питала живыми соками его поэзию. Творчество и исследования были для Ильи Николаевича едины.

*(Голенищев-Кутузов П. Н. Славянские литературы:
Статьи и исследования. М., 1973, с. 3—16)*